

УДК 82.09(37): 281: 22

ГЕНЕЗИС ОБРАЗА ЛОДКИ-ЦЕРКВИ У ТЕРТУЛЛИАНА

Александр Юрьевич Братухин

к. филол. н., доцент кафедры мировой литературы и культуры

Пермский государственный национальный исследовательский университет

614990, Пермь, ул. Букирева, 15. Bratucho@yandex.ru

В статье предлагается объяснение использования Тертуллианом образа лодки апостолов (Мф. 8:23-27, 14:22-33) в качестве аллегории Церкви (De bapt. 12, 7) исходя из традиционного восприятия ее в двух планах: как Церкви предсуществующей и Церкви исторической (ср.: Clem. II Cor. 14, 1-2; Herm. 8,1-8,2 и 9,1-21,4). Кроме того, доказывается, что рассматриваемый пассаж представляет собой реминисценцию оды Горация (Carm. I, 14), аллегорически интерпретируемой Квинтилианом (Instit. VIII, 6, 44). В пользу этого свидетельствует вербальное сходство между De bapt. 12, 7 и Carm. I, 14, вероятное знакомство Тертуллиана с сочинением Квинтилиана и неоднократные упоминания в экклезиологическом контексте реалий, связанных с римской государственностью.

Ключевые слова: Тертуллиан; Библия; Гораций; экклезиология; интерпретация; аллегория.

Современные исследователи среди образов, которые Квинт Септимий Флоренс Тертуллиан, первый латинский христианский автор конца II — начала III в., использует применительно к Церкви, выделяют образ челна апостолов в De baptismo (12, 7) и De pudicitia (13, 20) [Rankin 1995: 67; Osborn 1997: 178]. В первом из указанных пассажей Тертуллиан пишет: «Впрочем, лодка та (nauicula illa) образ Церкви представляла (figuram ecclesiae praeferebat), так как она в море (in mari), то есть в мире (in saeculo), волнами (fluctibus), то есть гонениями и искушениями оказывается тревожимой, в то время как Господь по долготерпению словно бы спит до тех пор, пока, разбуженный (suscitatus) в крайних бедствиях молитвами святых, не усмирит мир (saeculum) и не вернет своим покой» (De baptismo, 12, 7). В науке существует несколько точек зрения на проблему появления лодки в экклезиологическом контексте. Ерик Петерсон видит корни этого образа в еврейской традиции [Peterson 1950: 77–79]. Курт Голдаммер, подвергая такую атрибуцию сомнению, обращает внимание на то, что у образа корабля часто был политический смысл [Goldammer 1950: 232–237]. Т.П.Мэллей считает, что рассматриваемый образ является общим для библейской и классической традиций, а его использование здесь – обусловленным его «неклассическим значением» [O'Malley 1967: 78]. Дэвид Рэнкин «возможным источником (background) этого образа» считает «малую лодку (little boat)» из Евангелия от Матфея (8:23–27; 14:22–33) и «жизнь приморского Кар-

фагена (the life of maritime Carthage)» [Rankin 1995: 67]. Хотя, если принять во внимание образ лодки в Новом Завете, такое его значение трудно понять [Minear 1960: 33]. В большинстве случаев, замечает Рэнкин, Тертуллиан, упоминая корабли, подразумевает настоящие суда «без теологических обертонов», хотя один раз, в De anima (52, 4), говорит о «корабле <человеческого> тела». По словам ученого, сообщение апостола Павла о «потерпевших кораблекрушение в вере» Именее и Александре (1 Тим. 1:19–20), на которое Тертуллиан неоднократно ссылался, «возможно, поместило перед ним сей образ» [Rankin 1995: 67]. Заметим, что Тертуллиан, говоря о предании апостолом Павлом этих двух людей сатане, называет их «не имеющими уже утешения в корабле Церкви (non habentes iam solatium nauis Ecclesiae)» (De pudicitia, 13, 20). По нашему мнению, необходимо отделять выражение «корабль Церкви» (nauis Ecclesiae) из De pudicitia (13, 20) от образа лодки-Церкви из De baptismo (12, 7). Во-первых, утверждение, что лодка знаменует Церковь, отличается от словосочетания «корабль Церкви» (вспомним «корабль <человеческого> тела» в De anima 52, 4). Во-вторых, слово nauicula у Тертуллиана встречается всего три раза: дважды в De baptismo (12, 6–7) и один раз в Aduersus Marcionem (IV, 9, 2 – согласно изданиям Беата Ренана 1521 и 1539 гг.), где также речь идет о рыбацких лодках; слово nauis Тертуллиан использует значительно чаще. Таким образом, слова из De baptismo (12, 6–7) следует рассматривать отдельно от слов в De pudicitia

(13, 20) и, во всяком случае, не объяснять первые вторыми. Итак, причины сопоставления челна (*naucula*) апостолов с Церковью не лежат на поверхности и предполагают дополнительное исследование.

В ранней христианской традиции корабль символизировал ковчег Ноя или вечную жизнь: «христиане, заимствовав языческий символ плавающего корабля, перенесли его значение с земной жизни на жизнь вечную» [Уваров 2001: 195, 197]. Современник Тертуллиана, Климент Александрийский, перечисляя символы, которые могут быть на печатях у христиан, упоминает рыбу, корабль, плывущий с попутным ветром (*ναῦς οὐριόδρομοῦσα*), музыкальную лиру или корабельный якорь (*Paedagogus* 3, 11, 59, 2). Никакого намека на Церковь или на рыбацкую лодку апостолов здесь нет. Эта тема появится несколько позднее. Св. Ипполит Римский (ум. ок. 235 г.) в сочинении «О Христе и Антихристе», заимствуя экклезиологический образ корабля из Ветхого Завета (Ис. 18:1–2), говорит, что крылья упомянутых Исаией кораблей – церкви, море – мир, кормчий Церкви – Христос, нос – восток, корма – запад и т.п. (59).

А.С.Уваров, упомянув гемму, где изображены корабль с тремя фигурами, поддерживаемый на море рыбой, и Христос, протягивающий руку утопающему Петру, предполагает, «что корабль получил символическое значение Церкви весьма поздно, в то, вероятно, время, когда церковные писатели стали говорить об этом его значении. В их числе одним из первых был св. Амвросий Медиоланский» [Уваров 2001: 200]. Ранее Амвросия (крещен в 374 г., умер в 397 г.) образ Церкви в рыбацкой лодке увидел Иларию Пиктавийский (крещен ок. 350 г., умер в 367 г.). Описывая его эгзегетический метод, Манлио Симонэтти говорит: «Поведение Иисуса в Мф. 8:18 (когда Иисус, избегая толпы, повелевает ученикам отправиться на ту сторону Галилейского моря) кажется Иларию противоречащим благодати Иисуса. Но если истолковать лодку аллегорически, как символ Церкви, и сопоставить с другими элементами повествования, то поведение Иисуса становится абсолютно понятным» [Симонэтти 2007: XIX]. Тертуллиан, как известно, прибегал к аллегорическому истолкованию «скорее по необходимости, чем в силу предпочтения» [Столяров 1994: 24]. Однако именно он, находящийся для Церкви в других местах иные эпитеты, например, Ноев ковчег (*Bapt.* 8, 4; *Idol.* 24, 4) и военный лагерь света (*De cog.* 11, 4), по видимому, первым стал рассматривать лодку апостолов как ее символ [Osborn 1997: 178]. Эту аллегорию он использует после возражения тем

оппонентам, которые настаивают, что крещение апостолов произошло, когда их лодку заливало волнами (Мф. 8:24), а крещение Петра, когда он, идя к Христу, стал утопать (Мф. 14:30). Истолковав лодку как Церковь, Тертуллиан допускает, что апостолы могли быть крещеными каким-либо образом или остаться некрещеными, и заявляет, что рассуждать о спасении тех, для кого заменой крещения была прерогатива первого избрания, опрометчиво. (Здесь уместно вспомнить известное утверждение святителя Софрония Иерусалимского, что Христос крестил Петра, Петр – Андрея, Иакова и Иоанна, последние – крестили остальных апостолов). Мы видим, что аллегория в данном рассуждении представляется несколько излишней, поскольку она не содержит подтверждения словам нашего полемиста о том, что одно – быть обрызганным неистовством моря, другое – креститься по правилу религии. Это иносказание появляется в данном пассаже скорее как нечто извлеченное из глубин памяти, а не как придуманное непосредственно при написании трактата с конкретной целью. А как таковое оно должно отражать экклезиологию апологета.

Нам представляется, что решение проблемы этой любопытной интерпретации Тертуллианом двух евангельских отрывков (Мф. 8:23–27; 14:22–33) следует искать в традиции восприятия Церкви в двух планах: как Церкви предсуществующей (или Церкви на небесах) и Церкви исторической (или Церкви на земле). Учение о первой обнаруживаем во «Втором послании коринфянам» (14, 1–4), приписываемом св. Клименту Римскому. В представлении автора этого послания Церковь «является духовным, живым существом, от Бога происшедшим ранее сотворения мира» [Киприан 1996: 49]. В «Пастыре» Ермы Церковь также представляется в двух образах — старицы (как созданной прежде всех вещей) (2 Видение 8,1–8,2) и строящейся башни (3 Видение 9,1–21,4). Намек на Предвечный Совет (ср.: «Он избрал нас в Нем прежде создания мира» (Еф. 1:4)) содержится у Климента Александрийского: «До сотворения же космоса были мы, прежде рожденные в Самом Боге по причине того, что нам предстояло возникнуть» (*Protrepticus* 1, 6, 4). У Тертуллиана похожую мысль встречаем в разбираемом нами трактате. Сказав о потопе как прообразе крещения, карфагенский автор пишет: «Голубь Святого Духа прилетает, принося Божий мир, посланный с небес (*de coelis*), где находится Церковь, символизируемая ковчегом (*ecclesia est arca figurata*)» (*De baptismo* 8, 4; ср.: *De idololatria* 24, 4). Д.Рэнкин по поводу этих слов замечает: «Отождествляется ли эта “*ecclesia in caelis*” с церковью “на земле” или представляет собой скорее платоновский

“идеал (ideal)”, лишь несовершенной “копией” которого является земная, остается, однако, неясным» [Rankin 1995: 66]. Мы не знаем, одобрял ли Тертуллиан учение Ермы о предсуществующей Церкви, но его «Пастырь» он читал, что следует из сочинения *De oratione* (16, 1). Учитывая приведенную нами цитату (*De baptismo* 8, 4), можно предположить, что представление о небесной Церкви не было ему чуждым. Помня об отношении Тертуллиана к Платону, «поставщику пряностей для всех еретиков» (*De anima* 23, 5), речь, вероятно, нужно вести не о «платоновской идеальной» Церкви, а о той, что позднее получит название «Церкви торжествующей», т.е. можно констатировать наличие в сознании Тертуллиана «двух Церквей»: «небесной», символизируемой Ноевым ковчегом, и «земной», символизируемой лодкой. Образу «Церкви-ковчега» (*De baptismo* 8, 4) близок, как представляется, и упомянутый выше образ «корабля Церкви» (*navis Ecclesiae*) (*De pudicitia* 13, 20).

Следует заметить, что Тертуллиан не является автором сопоставления Ноева ковчега и Церкви [Dölger 1925: 275–276]. Уже в Новом Завете содержатся выражения, которые могут быть отнесенными как к первой, так и ко второй Церкви. Например: «Но вы приступили к горе Сиону и ко граду Бога живаго, к небесному Иерусалиму и тьмам Ангелов, к торжествующему собору и Церкви первенцев, написанных на небесах, и к Судии всех Богу, и к духам праведников, достигших совершенства, и к Ходатаю Нового Завета Иисусу, и к Крови кропления, говорящей лучше, нежели Авелева» (Евр. 12:22–24; ср.: Гал. 4:26; Флп. 3:20) – «Итак, вы уже не чужие и не пришельцы, но сограждане святым и свои Богу, быв утверждены на основании апостолов и пророков, имея Самого Иисуса Христа краеугольным камнем, на котором все здание, слагаясь стройно, возрастает в святой храм в Господе, на котором и вы устрояетесь в жилище Божие Духом» (Еф. 2:19–22). Церковь, с одной стороны, статичный «столп и утверждение истины» (1 Тим. 3:15), с другой – динамичное «Божие стадо» (1 Петр. 5:2).

К аллегории мирского моря, угрожающего верующему, Тертуллиан обращается в трактате «О покаянии», где речь идет уже не о ковчеге (*arca*) и корабле (*navis*) и даже не о лодке (*navicula*), а о доске: «Итак, покаяние – это жизнь, поскольку противопоставляется (*praeronitur*) смерти. На него ты, грешник, <...> так набросься, так обхвати его, как потерпевший кораблекрушение <хватается> с верой за какую-нибудь доску (*ut naufragus alicuius tabulae fidem*). Оно тебя, погруженного в волны грехов, вытащит и в гавань божественного снисхождения доставит (*haec te*

peccatorum fluctibus mersum, proleuabit et in portum diuinae clementiae protelabit)» (*De poenitentia* 4, 2). Итак, в сознании Тертуллиана, вероятно, существовала небесная Церковь-ковчег (где находятся души праведников), сотрясаемая гонениями Церковь-лодка (где пребывают верные), и смытые с нее грешники, спасительной доской для которых может стать второе (после первого – крещения) покаяние. Однако позднее Тертуллиан напишет гораздо более строгие слова: «Среди этих скал и заливов, среди этих мелей и проливов идолопоклонства плывет вера на парусах Духа Божия (*uelificata spiritu Dei fides nauigat*), не знающая опасностей, если осторожна, и безмятежная, если вдохновенна. Впрочем, извергнутых (*excussis*) ожидает бездна, из которой нельзя выплыть (*inenatabile profundum*), разбившиеся (*inpractis*) терпят кораблекрушение, после которого нельзя спастись (*inextricabile naufragium*), предавшихся идолопоклонству поглощает не позволяющая дышать пучина (*inrespirabile deuoratis hypobrychium in idololatria*), все его (т. е. идолопоклонства. Прим. наше. – А.Б.) волны удушают (*quicumque fluctus eius offocant*), каждый его водоворот проглатывает в преисподнюю (*omnis uortex eius ad inferos desorbet*)» (*De idololatria* 24, 1–2). Тертуллиан-монтанист пишет уже не о церковном корабле или лодке, а об идущей по опасному морю под парусами индивидуальной вере каждого христианина, рискующего погибнуть в случае уклонения к идолам.

Тертуллиан, вероятно, был знаком с сочинением Марка Фабия Квинтилиана (умер в 96 г. после Р.Х.) «Воспитание оратора». Во всяком случае, создается впечатление, что он, по рождению и воспитанию принадлежавший «к интеллектуальным кругам в Карфагене» [Barnes 1976: 4], следовал некоторым советам, изложенным в этом трактате [Barnes 1985: 206–207, 217–218]. Сопоставим два отрывка. В «Скорпиаке» Тертуллиан пишет: «Как говорил Христос, если не так, как <Его слова> трактует христианин? Но когда Он запрещает обдумывать ответ перед судилищем, Он наставляет Своих слуг, обещает, что будет отвечать Святой Дух; и когда хочет, чтобы брата посетили в темнице, Он предписывает заботиться об исповеднике; и когда утверждает, что Бог отомстит за избранных Своих, облегчает их страдания; также в притче о семени, иссохшем после <того, как взошло> терние, изображает жар преследований. Если это не так понимают, как оно излагается, то, без сомнения, оно подразумевает отличное от сказанного, и иное в словах будет, иное в мыслях, как аллегории, как притчи, как загадки (*et aliud in uocibus erit, aliud in sensibus, ut allegoriae, ut parabolae, ut aenigmata*)» (11, 3–4). Квинтилиан давал такое

определение: «Аллегория, которую переводят словом *иносказание*, словами показывает одно, мыслью – другое (aut aliud uerbis, aliud sensu ostendit), или даже иногда противоположное. <...> Например: “О, корабль, унесут тебя в море новые волны. Что ты делаешь? Решительно занимай гавань!” — и все это место у Горация, в котором он называет корабль вместо государства, волны и бури вместо гражданских войн, гавань вместо мира и согласия (O nauis, referent in mare te noui / fluctus: o quid agis? Fortiter occupa / portum, totusque ille Horati locus, quo nauem pro re publica, fluctus et tempestates pro bellis ciuilibus, portum pro pace atque concordia dicit)» (Quintilianus. Institutio oratoria 8, 6, 44). Ср. также: «Как умеренное и подходящее ее (т. е. метафоры. Прим. наше. – А.Б.) использование украшает речь, так частое затемняет и делает отталкиваю-

щей, постоянное же превращает в аллегорию и загадки (in allegorian et aenigmata exit)» [ibid. 8, 6, 14].

Рассмотрим, является ли сходство между пассажирами в трактатах «О крещении» и «Воспитание оратора» случайным или Тертуллиан при написании разбираемого нами отрывка ориентировался на слова Квинтилиана (или на стихи Горация). В пользу первого предположения говорят следующие факты. Во-первых, в сочинениях Тертуллиана не упоминается Квинтилиан и отсутствуют ссылки на автора «Од»; во-вторых, у Тертуллиана не было видимых причин связывать аллегорические строчки о государстве со строчками о Церкви; в-третьих, имеются параллели, объяснимые близостью тематики, между горацианским стихотворением и интерпретируемым у Тертуллиана евангельским отрывком о буре.

Καὶ ἐμβάντι αὐτῷ εἰς τὸ πλοῖον
ἠκολούθησαν αὐτῷ οἱ μαθηταὶ
αὐτοῦ. καὶ ἰδοὺ σεισμὸς μέγας
ἐγένετο ἐν τῇ θαλάσῃ, ὥστε τὸ
πλοῖον καλύπτεσθαι ὑπὸ τῶν
κυμάτων, αὐτὸς δὲ ἐκάθειπεν. καὶ
προσελθόντες ἤγειραν αὐτὸν
λέγοντες· Κύριε, σῶσον,
ἀπολλύμεθα. καὶ λέγει αὐτοῖς· Τί
δειλοί ἐστε, ὀλιγόπιστοι; τότε
ἐγεῖρθεις ἐπετίμησεν τοῖς ἀνέμοις
καὶ τῇ θαλάσῃ, καὶ ἐγένετο
γαλήνη μεγάλη.

И, когда Он взшел на судно, последовали за Ним ученики Его. И вот волнение великое возникло на море, так что судно покрывалось волнами, а Он спал. И, подойдя, они разбудили Его, говоря: «Господи, спаси, погибает». И Он говорит им: «Почему вы трусливы, маловеры?» Тогда, встав, запретил ветрам и морю, и сделалась великая тишина (Мф. 8: 23-27).

O nauis, referent in mare te noui
fluctus. o quid agis? fortiter occupa
portum. nonne uides, ut
nudum remigio latus
et malus celeri saucius Africo
antemnaeque gemant ac sine funibus
uix durare carinae
possint imperiosius
aequor? non tibi sunt integra lintea,
non di, quos iterum pressa uoces malo.
quamuis Pontica pinus,
siluae filia nobilis,
iactes et genus et nomen inutile:
nil pictis timidus nauita puppibus
fidit. tu nisi uentis
debes ludibrium, caue.
nuper sollicitum quae mihi taedium,
nunc desiderium curaque non leuis,
interfusa nitentis
uites aequora Cycladas.

О, корабль, унесут тебя в море новые волны. Что ты делаешь? решительно занимай гавань. Разве не видишь, что борт лишен весел, и мачта повреждена быстрым африком, и реи трещат, и без канатов днище едва может выдержать силу моря? Нет у тебя ни целых парусов, ни богов, чтобы тебе, подавленному бедой, призывать их. Хотя ты, понтийская сосна, знатная дочь леса, хвалишься и родом, и <ставшим> бесполезным именем, ничуть не полагается боязливый моряк на разрисованную корму. Ты, если не хочешь стать игралищем ветров, остерегайся. Прежде ты для меня тревожащая тягость, теперь — желание и нелегкая забота, избегай разлившегося у блистающих Циклад моря (Horatius. Carmina. I, 14).

Следует, однако, заметить, что Тертуллиан редко называл тех авторов, тексты которых использовал; при этом он существенно изменял оригинальный текст, и отсутствие имени Марка Фабия Квинтилиана и Квинта Горация Флакка в

сочинениях карфагенского апологета ни о чем не говорит.

Реалии, связанные с римской государственностью, неоднократно упоминались Тертуллианом в экклезиологическом контексте. В сочинении

«О венке», где он доказывает, что «награждение солдат венками и вообще военная служба несовместимы с христианством» [Альбрехт 2005: 1667], он также пишет: «Но твои сословия, твои магистраты и само имя курии это – Церковь Христова (*sed tui ordines et tui magistratus et ipsum curiae nomen Ecclesia est Christi.*)» (*De corona* 13, 1). В «Апологетике» читаем: «Когда сходятся честные и добрые, когда собираются набожные и целомудренные, следует говорить не о группировке, а о курии (*non est factio dicenda, sed curia*)» (*Apologeticum* 39, 21). Как известно, впоследствии курией стала называться совокупность правительственных учреждений, при помощи которых римский папа, *pontifex maximus*, управляет западной церковью. Этим заимствованным у язычников титулом – *pontifex maximus* («верховный жрец») – называл, правда в насмешку, римского епископа уже Тертуллиан (*De pudicitia* 1, 6) [Rankin 1995: 165]. (Христа он называл «Понтификом Отца», «Понтификом Бога Отца», «истинным Понтификом», «Понтификом необрезанного священства» (*Aduersus Marcionem* IV, 13, 4; 35, 7 и 11; V, 9, 9) и «Понтификом спасения» (*De carne Christi* 5, 10).) Итак, мы видим, что карфагенский апологет допускал использование термина, обозначавшего в том числе римский Сенат (ср.: *Noratius. Carmina* II, 1, 14), в отношении Церкви, и наименования главы жреческой коллегии – в отношении предстоятеля римской христианской общины. Более того, само слово *сенат* у Тертуллиана (*De ieiunio* 13, 5), вероятно, намекает на католическое духовенство [ibid.: 159]. Следовательно, ничто не мешало апологету обратиться к горацанской аллегории римского государства в экклезиологическом контексте.

Кроме того, Тертуллиан, объявляя о проникновении христиан во все сферы общества («Мы существуем со вчерашнего дня, а заполняем уже все, что принадлежит вам: города, острова, форты, муниципии, рыночные площади, военный лагерь, трибы, декурии, дворец, сенат, форум (*urbes insulas castella municipia conciliabula castra ipsa tribus decurias palatium senatum forum*); одни лишь храмы мы оставляем вам» (*Apol.* 37, 4)), получал некое право считать Церковь значительной частью государства. Ж.-М.Орню пишет: «Римский христианин рассматривает государство, членом которого он является (*l'état dont il est membre*), лишь как часть этого порядка и этого братства, более великих, образуемых вселенной» [Hornus 1958: 38]. Действительно, Тертуллиан заявляет: «...для нас нет дела более чуждого, чем государство; мы признаем одно государство — вселенную (*nec ulla magis res aliena quam publica. Unam omnium rem publicam*

agnoscimus, mundum)» (*Apol.* 38, 3). Поскольку Церковь, по мысли Тертуллиана, не знает границ и объемлет всю вселенную, она естественным образом заступает на место государства, обновляя его: «Усилия христианских апологетов своими диалектическими уловками прикрывали и то новое, что было в христианстве для синкретического сознания и что было унаследовано христианством от иудаизма, – а именно церковь, как своеобразное социальное соединение людей, как своеобразную общественную форму, которая одинаково с абсолютистскими формами государственной организации представляла собой грандиозную попытку реставрации Римской империи» [Преображенский 1965: 345].

В пользу того, что Тертуллиан намеренно выбрал для Церкви образ из стихотворения Горация, говорит тот факт, что при пересказе новозаветного пассажи христианский автор меняет порядок слов и вставляет слово с корнем *fer-*. В Евангелии говорится о море, судне и волнах, у Тертуллиана (как и у Горация) – о лодке, море и волнах. Между словом «корабль» (*navis*) и предположительно-падежной конструкцией «в море» (*in mare*) у римского поэта стоит слово «унесут» (*referent*). У латинского апологета между словом «лодка» (*naucula*) и конструкцией «в море» (*in mari*) появляется форма «представляла» (*praefererat*).

Тертуллиан любил не только противопоставления в духе «Афины – Иерусалим» (*Praescr.* 7, 9), но и «переоценку ценностей», принятых в обществе. В результате римский национальный герой «благочестивый Эней» становится предателем и дезертиром (*Ad nat.* II, 9, 12–18), а Дидона, основательница враждебного римлянам Карфагена, объявляется «безупречной женщиной» (*De anima* 33, 9), не уступающей Ромулу (*Ad nat.* II, 9, 19); Сципион Эмилиан изображается как убийца (*Ad nat.* II, 14, 6), а жена Гасдрубала, бросившаяся в пламя горящего Карфагена вместе с детьми (*Ad nat.* II, 9, 13, ср.: I, 18, 3), – как самоотверженная героиня. В «Апологетике» Тертуллиан называет Бога – все основавшего, создавшего из земли человека, – истинным Прометеем (18, 2), а в другом месте заявляет, что у Маркиона «истинный Прометей (*uerus Prometheus*), Всемогущий Бог, терзается богохульствами» (*Adv. Marc.* I, 1, 4). Однако образ сына Иапета, ставшего с легкой руки Тертуллиана прообразом христианского Бога, далеко не однозначно интерпретировался в римской литературе (см.: *Noratius. Carmina*. I, 3, 27–33; I, 16, 13–16; *Propertius*. III, 5, 7–12). Об умении карфагенского апологета перефразировать известные стихи говорят, например, его слова о женщинах: «Ведь ради этих встреч и для того, чтоб других посмот-

реть и себя показать, все толпами идут в общественные места <...> (Propter istos enim conuentus et mutuam uidere ac uideri omnes pompae in publicum proferuntur)» (Tert. De cult. fem. II, 11, 1). У Овидия читаем: «Чтоб посмотреть, идут, идут, чтоб на них посмотрели (spectatum ueniunt; ueniunt spectentur ut ipsae)» (Ovid. Ars amat. I, 99). Нечто подобное наблюдается и в анализируемом отрывке. Параллелью к паре «мир-море» и «Церковь-лодка» в трактате «О венке» выступают «лагерь света» (castra lucis; словосочетание «град Божий», ciuitas Dei, у Тертуллиана отсутствует) и «лагерь тьмы» (castra tenebrarum) (De corona. 11, 4). Поскольку под «лагерем тьмы» нужно понимать, как видно из контекста, в том числе и римский военный лагерь, то и «море» с его волнами-гонениями в разбираемом нами фрагменте отчасти можно истолковать не только как некий абстрактный «языческий мир», но и как конкретное государство, которое и должна заместить Церковь. В результате Римская империя, предмет тревог Горация, из корабля превращается в море.

Отдельного разговора заслуживает употребление Тертуллианом в разбираемом нами пассаже редкого для него слова nauicula. Немного ниже (De baptismo 12, 9) он назовет лодку, оставленную Петром, которого призвал Господь, nauis. Возможно, автор трактата сделал так, чтобы подчеркнуть заслугу апостола, бросившего не лодку, а корабль. Если наше предположение об ориентировании апологета на горацианские строчки верно, появление «лодки» является попыткой подчеркнуть различие между «государством-кораблем» у Горация и «Церковью-челном» у христианского автора. Кроме того, Тертуллиан не избегал использования по отношению к христианам и тому, что с ними связано, слов с уменьшительным суффиксом -ul-, именуя их, например «рыбками». В начале разбираемого труда он говорит: «Но мы, рыбки (pisciculi), в соответствии с ΙΧΘΥΝ (т. е. рыбой. Им. пад. – ΙΧΘΥΣ = Ἰησοῦς Χριστός Θεοῦ Υἱός Σωτήρ “Иисус Христос Божий Сын Спаситель”. Прим. наше. – А.Б.) нашей, Иисусом Христом, в воде рождаемся и спасаемся не иначе, как пребывая в воде» (De bapt. 1, 3). В «Апологетике» читаем: «Что же удивительного, если при столь великом дружестве люди едят вместе? Ведь вы поносите наши небольшие обеды (cenulas nostras) не только как опозоренные преступлением, но и как расточительные» (Apol. 39, 14).

Поскольку все познается в сравнении, сопоставим эклизиологические образы Тертуллиана с похожими образами Климента Александрийского, о котором уже шла речь выше. Александрийский писатель порой был еще смелее, чем

его карфагенский современник. Он, например, не только назвал Христа «иерофантом» (ср.: «Христос-Понтифик» у Тертуллиана), но и христианские таинства — «вакхическими мистериями» («О поистине святые мистерии, о чистый свет! Я несу факел, чтобы узреть небеса и Бога; посвящаясь, становлюсь безгрешным, священнодействует же Господь и, выводя к свету, отмечает посвященного печатью и отдает уверовавшего Отцу под защиту на веки вечные. Это и есть мои “вакхические” мистерии» (Protrepticus. 12, 120, 1–2)). Герусией («советом старейшин») он именовал не христианскую Церковь (ср.: «Церковь-курия» у Тертуллиана), а христианскую истину: «Суровая поначалу, но благая кормилица юношей, она – и почтенный гинекей, и мудрая герусия» (Protrepticus. 10, 109, 2). Как и Тертуллиан, он использовал образ корабля, но придавал ему несколько иное значение, цитируя при этом Гомера и Гесиода: «Итак, убежим от обычая, убежим от него, как от опасного мыса, как от угрозы Харибды или как от мифических сирен: он душил человека, является западней, пропастью, бездной; он ненасытен: “Судно свое на большом расстоянии от волн тех и дыма / Ты удержи”. Убежим, убежим, о спутники, от той волны: она извергает огонь. Остров зловещ: он завален костями и трупами. Смазливая потаскушка, наслаждение, поет на нем, прельщает вульгарной музыкой: “Эй, Одиссей многославный, великая сила ахейцев, / Чтобы услышать чудесное пенье, направь к нам корабль свой!” Блудница восхваляет тебя, о моряк, и называет многославным; пытается завладеть славой эллинов. Позволь ей питаться мертвецами. Тебе помогает божественное дуновение: пройди мимо удовольствия – оно вводит тебя в заблуждение. “Да не обманет твой ум вертихвостка, что шепчет лукаво / Милые сердцу слова, чтоб в амбаре твоём покопаться”. Проплыви мимо пения — оно вызывает смерть. Если только захочешь, одолеешь погибель и, привязанный к древу <креста>, будешь освобожден от всякой скверны. Слово Божье будет управлять тобой, и Святой Дух введет тебя в небесный порт» (ibid. 12, 118, 1–4). Кроме того сходства и тех различий, которые очевидны, обратим внимание на один общий момент. И Климент, и Тертуллиан, используя образ корабля, не могут обойтись без классических поэтов, что является закономерным и легко объяснимым. Ведь христиане, о чем было сказано выше, заимствовали этот образ из языческой литературы, где он имел богатую традицию. Значительное место в ней занимает Алкей, чье знаменитое стихотворение, где он сравнивает свое островное, охваченное гражданской войной государство с попавшим в бурю кораблем (Alceus. Fragmenta 326),

вдохновило Горация на создание оды. Заслуга Тертуллиана в том, что он превратил образ корабля из аллегии человеческой жизни, каким он был для древних, выбивавших его на гробницах [Уваров 2001: 195], и каким оставался для апостола Павла (ср.: 1 Тим. 1:19–20) и Климента Александрийского, в аллегию Церкви. Очевидно, этому способствовало осознание Тертуллианом ее повысившегося статуса, позволявшего рассматривать ее как своеобразную замену государству.

Список литературы

Альбрехт М. фон. История римской литературы / пер. А.И.Любжина. М.: «Греко-латинский кабинет» Ю. А. Шичалина, 2005. Т.3. С.1391–2007.

Киприан (Керн), архимандрит. Патрология. Т.1. Париж-Москва: Православный Свято-Сергиевский Богословский Институт; Православный Свято-Тихоновский Богословский Институт, 1996. 185 с.

Преображенский П. Ф. Тертуллиан и Рим // Преображенский П.Ф. В мире античных идей и образов. М.: Наука, 1965. С. 163–393.

Столяров А. А. Тертуллиан. Эпоха. Жизнь. Учение // Тертуллиан: избр. соч. / пер. с лат.; общ. ред. и сост. А.А.Столярова. М.: Прогресс; Культура, 1994. С.7–34.

Симонэтти М. Введение к комментариям на Евангелие от Матфея 1–13 // Библейские комментарии отцов Церкви и других авторов I-VIII веков. Новый Завет. Т.1а: Евангелие от Матфея 1–13 / пер. с англ., греч., лат. и сир.; под ред. Манлио Симонэтти / Рус. изд. под ред. Ю.Н.Варзониной. Тверь: Герменевтика, 2007. С.Х–XXIX.

Уваров А.С. Христианская символика. Символика древнехристианского периода. Изд. доп. и перераб. М.: УНИК; СПб.: Алетейя, 2001. 256 с.

Barnes T. D. Tertullian the antiquarian // *Studia patristica*. 1976. Vol.14. P.3–20.

Barnes T. D. Tertullian: a historical and literary study. 2nd ed. Oxford, 1985. XI. 339 p.

Dölger F. J. Das Schiff der Kirche auf der Fahrt gen Sonnenaufgang // *Sol salutis. Gebet und Gesang im christlichen Altertum*. Münster: Verlag der Aschendorffschen Verlagsbuchhandlung, 1925. S.272–286.

Goldammer K. Das Schiff der Kirche, ein antiker Symbolbegriff aus der politischen Metaphorik in eschatologischer und ekklesiologischer Umdeutung // *Theologische Zeitschrift*. 1950. №6. S.232–237.

Hornus J.-M., Étude sur la pensée politique de Tertullien // *Revue d'histoire et de philosophie religieuses*. 1958. Т.38, №1. P.1–38.

Miner P.S. Images of the Church in the New Testament. L., 1960.

O'Malley T.P. Tertullian and the Bible. Language, imagery, exegesis. Utrecht: Dekker & Van de Vegt N.V. Nijmegen. 1967. XVI. 186 p.

Osborn E. Tertullian, first theologian of the West. Cambridge: University Press, 1997. XXI. 285 p.

Peterson E. Das Schiff als Symbol der Kirche: die Tat des Messias im eschatologischen Meeresturm in der jüdischen und altchristlichen Überlieferung // *Theologische Zeitschrift*. 1950. №6. S.77–79.

Rankin D. Tertullian and the Church. Cambridge: University Press, 1995. XVIII. 229 p.

Список источников

Musaios. 1.0d-32. Copyright © 1992–1995 by Darl J. Dumont and Randall M. Smith.

Patrologia Latina Database. Electronic Book Technologies, Inc. and Chadwyck-Healey Ltd. 1993–1996.

GENESIS OF THE IMAGE OF A BOAT-CHURCH BY TERTULLIAN

Alexander Ju. Bratukhin

Reader of World Literature and Culture Department
Perm State National Research University

In this article the explanation of the use of the “boat” image (Mt. 8:23-27, 14:22-33) by Tertullian as an allegory of the Church (De bapt. 12, 7) is proposed by proceeding from the traditional perception of it in two aspects: as preexistent Church and historical Church (cf. Clem. II Cor. 14, 1-2; Herm. 8,1-8,2 and 9,1-21,4). Furthermore, it is proved, that the considered passage is a reminiscence of the ode of Horace (Carm. I, 14), which Quintilianus interprets allegorically (Instit. VIII, 6, 44). It is confirmed by verbal likeness between De bapt. 12, 7 and Carm. I, 14, the probable familiarity of Tertullian with the Quintilianus' writings and repeated mentions of Roman political facts in the ecclesiological context.

Key words: Tertullian; the Bible; Horace; ecclesiology; interpretation; allegory.